

УДК 801.559

**АНОМАЛИИ КАК НАРУШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ НОРМ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОСТЫХ ПРЕТЕРИТОВ
В СТАРОРУССКОЙ РЕЧИ XV–XVII вв.**

© 2009 г.

И.В. Герасимова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

gerasimovano@rambler.ru

Поступила в редакцию 16.03.2009

Анализируются случаи смешения простых форм прошедшего времени, изменения их структурно-грамматических свойств. Неверно употребленные по какому-либо грамматическому признаку претеритарные формы называются аномалиями. Исследуя тексты разной жанрово-стилевой отнесенности и устанавливая общие, характерные одновременно для нескольких старорусских памятников тенденции смешения форм прошедшего времени, автор делает вывод об универсальном характере изменения сочетаемостных свойств претеритов. Анализ функционирования аномальных простых форм прошедшего времени позволяет говорить об отражении памятниками разных жанров постепенного разрушения претеритов на уровне плана выражения, а также о тесной связи структуры формы и частоты ее употребления.

Ключевые слова: претеритарная система старорусского языка, аномалии, структурно-грамматические свойства, исконная претеритарная система, жанрово-стилевая модификация, аорист, имперфект, вероятностно-статистическая методика.

Перестройка исконной древнерусской претеритарной системы – сложное, многостороннее явление. Оно охватывает как особенности количественного распределения форм, так и своеобразие их структурно-семантического функционирования в речи. Описанию процесса перестройки претеритарной системы в истории русского языка и объяснению его причин посвящены труды старших языковедов [1, 2, 3], а также исследования ученых последних десятилетий XX века [4, 5, 6]. Рассматриваемый нами старорусский период (XV–XVII вв.) в истории русского языка по-своему уникален: с одной стороны, старорусские памятники продолжали отражать книжно-письменную традицию употребления языковых средств, с другой – разговорная речевая стихия все активнее вторгалась в произведения XV–XVII вв. Подобная ситуация не могла не сказаться на характере функционирования и форм претеритов. В старорусских памятниках по-прежнему используются вышедшие к этому времени из живого употребления простые формы прошедшего времени – аорист и имперфект. Однако их функционирование в старорусской письменной речи уже не является системным: употребление форм зачастую ни семантически, ни синтаксически не обусловлено.

Были проанализированы 8 повествовательных (повести), 8 агиографиче-

ских (жития) и 7 деловых (акты и грамоты) текстов, репрезентирующих старорусскую речь XV–XVI–XVII вв.

Наши наблюдения свидетельствуют об универсальном характере процесса изменения сочетаемостных свойств претеритов в анализируемых памятниках. Во-первых, он охватывает обе простые формы прошедшего времени: как аорист, так и имперфект. Во-вторых, на основе анализа всех встретившихся в текстах случаев «неправильного» употребления форм претеритов можно установить общие, характерные одновременно для нескольких старорусских памятников тенденции смешения форм прошедшего времени. Неверно употребленные по какому-либо грамматическому признаку претеритарные формы мы называем *аномалиями*.

подавляющее большинство случаев неправильного употребления простых претеритарных форм связано с нарушением согласования претерита в функции сказуемого с подлежащим в лице и числе и изменением сочетаемостных свойств претерита. Этот процесс устойчиво проявляется как у форм аориста, так и имперфекта. Проведенный нами анализ позволил установить основные тенденции смешения форм простых претеритов.

1. Смешение в третьем лице претеритарных форм множественного и единственного числа.

В старорусских памятниках нередко наблюдаются факты неправильного использования претеритов в форме 3-го лица: вместо грамматически верной формы единственного числа избирается форма множественного числа. Этот процесс прежде всего характерен для 108 встретившихся в текстах разных жанров и хронологических срезов *аористических форм* (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм аориста – 0,493): **Отець же въскорэ принесоша отрока к мощем святого** (ЖАМ¹, XV в.); **Паки на тэхъ мэстэхъ христьянская сила оутвердишася** (ПСБ², XVI в.).

В деловых текстах XV в., а также в житиях и повестях XVII в. нами отмечено 57 случаев «обратного» процесса (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных аористических форм – 0,260): в 3-м лице аористические формы довольно активно используются в единственном числе на месте требуемых условиями контекста форм множественного числа: **Старосты же царские и целовальники повеле принятии мастером татя** (ЖАП¹, XVII в.); **Се купи есипъ и федоръ онуфриевы дэти** (ДВГ³, XV в.). В отношении последнего случая неверного употребления претерита – купи вместо купиша – следует отметить, что в исследуемом памятнике было зарегистрировано еще четыре факта подобного смешения форм аориста, причем все они образованы от лексемы купити. Данный глагол, наиболее частотный в зачинах исследуемых грамот, как правило, функционирует в форме 3-го лица единственного числа. Вероятно, форма купи, «автоматически» переходя из привычной ей композиционной части (зачина) в нарратив, приобретает характер застывшей формы и поэтому не дифференцируется по числовому признаку. Доказательством этому служат те контексты, где с данной формой соседствуют верные грамматические образования от других лексем: **се купи Михаило Вахромэвич да Игнатей Вахромеевич а даша на томъ сороковъ бэлкъ** (ДВГ³, XV в.).

Среди фактов аномального употребления претеритов отмечено 79 случаев смешения *имперфектных* форм 3-го лица единственного числа с грамматически верными формами множественного числа (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм имперфекта – 0,705): **старыя же жены в своихъ рукахъ малыя и краткие верви ношаше** (ПСБ², XVI в.); **Преподобные отцы искаху себе пути в люди и озирашеся сэмо и овамо** (ЖАП¹, XVII в.). В некоторых случаях аномалии в структуре имперфектов

приходятся на формы с неисконной грамматической семантикой, употребленные в контекстах форм аориста. Это дает основание предположить, что смешение претеритов в подобных случаях связано с фонетической аналогией, т.е. влиянием аористных форм 3-го лица множественного числа (окончание – ша) на имперфектные образования 3-го лица единственного числа (окончание – ше): **изъшедшимъ же братиям изъ церкви того же отрока оставляше** (ЖАМ¹, XV в.), где форма имперфекта привлечена для указания не на действие подчеркнуто длительное, процессуальное или повторяющееся, а скорее на самый его факт. **Людие же текше змия убиша а орла изымаше** (ПВЦ², XV в.) – имперфект, вовлеченный в общую канву повествования, вместе с предшествующим аористом служит для выражения основных действий, которые представляются как «свернутый», свершившийся факт. **Оузрэаше их с лодии пловцы тэ** (ЖЗС¹, XVI в.) – имперфектная форма, лишенная какой-либо характеризующей или поясняющей функции, обслуживает магистральный сюжет памятника, образуя его повествовательную основу, а не вносит в основное изложение дополнительные сведения.

Примеры «обратного» процесса – неверного употребления имперфектных форм 3-го лица множественного числа на месте форм единственного числа – 28 случаев, обнаруженных в житийных текстах XV и XVII вв. (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных имперфектных форм – 0,25), например: **Не брашно убояху ся святыи** (ЖДП¹, XV в.); **Игумень Лаврентии ихъ постризаху** (ЖАП¹, XVII в.).

2. Смешение в единственном числе претеритарных форм 1-го и 3-го лица.

Процесс утраты сочетаемостных свойств претеритов в этом направлении релевантен в первую очередь для аористических форм. Так, нами обнаружено 22 случая взаимного замещения в единственном числе аористов 1-го и 2-го лица (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм аориста – 0,1): **и сия видэхъ иереи тоя цркви** (ЖИН¹, XV в.); **Святыи Артемии услышахъ моление и слезы человека и дарова ему исцеление** (ЖАВ¹, XVII в.).

В «Житии и подвигах игумена Адриана Пошехонского и старца Леонида Пошехонского» (XVII в.) зарегистрирован единственный случай неверного употребления имперфектной формы 1-го лица единственного числа вместо исконной формы 3-го лица: **Макарии Митрополит мо-**

сковский вручи имъ благословенную грамоту и подавахъ имъ милостыня многа на создание церкви (ЖАП¹, XVII в.).

3. Смещение в пределах контекста претеритарных форм 3-го лица множественного (или двойственного) числа с формами 1-го лица единственного числа.

Обследованные памятники фиксируют 7 примеров, отражающих подобную тенденцию в отношении аористических форм (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм аориста – 0.031): **Вестницы же прибэжах ис полоцка** (ПСБ², XVI в.); **Преподобнии отцы Андреанъ и Леонидъ поставихъ образ пречистые богородицы на велики дубъ потомъ же преподобнии шествие творяху** (ЖАП¹, XVII в.).

4. Смещение в 1-м и 3-м лице форм двойственного и множественного числа.

Такие факты свидетельствуют о постепенном разрушении в текстах анализируемых памятников двойственного числа как грамматической категории. Данная категория релевантна языковой системе, реализующейся в текстах житий на всем рассматриваемом временном промежутке; в художественно-повествовательных текстах она фиксируется лишь в памятниках XVII века, а в деловых текстах не отмечается вообще. В целом всю совокупность грамматически неверных употреблений форм двойственного числа, зафиксированных в рассматриваемых памятниках, условно можно разделить на несколько групп:

а) случаи замены форм двойственного числа формами множественного числа. Подобная тенденция характеризует как аористические (12 фактов неверного употребления – доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм – 0.055), так и имперфектные (4 случая смещения – 0.036) образования: **изыдоша к нему два мужа** (ЖДП¹, XV в.); **Боляша очи его** (ЖАВ¹, XVII в.);

б) четыре случая употребления форм двойственного числа на месте грамматически верных форм множественного числа, свидетельствующие, вероятно, о том, что формы на -ста при утрате категории двойственного числа стали вариантными, дублетными формами для выражения значения множественности. (Доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм аориста – 0.018.) Отметим, что такая замена осуществляется только в аористических формах и не характерна для имперфектов: **благочестивый князь и боляре и велможа ихъ и вси народи целоваста любезно его святое тело** (ЖАМ¹, XV в.);

потомъ же послы абие о такомъ дэлэ начаста глаголати (ПБК², XVII в.);

в) три факта замены формами единственного числа форм двойственного числа, релевантные также только для форм аористов (доля аномалий по отношению к общему количеству аномальных форм – 0,014): **архиереи бжи иванъ с братом своим в великом новэ граде церкви созда и украси и сотвори-ста монастырь** (ЖИН¹, XVII в.).

Совокупность всех отмеченных в обследованных памятниках случаев аномалий в употреблении претеритов была проанализирована с помощью вероятностно-статистической методики, основанной на вычислении и последующем сопоставлении частотных долей форм прошедшего времени. Методика введена в научный оборот Б.Н. Головиным [7] и разработана применительно к истории языка Н.Д. Русиновым [8]. В результате были получены вероятностно-статистические данные об активности аномальных форм простых претеритов (доли по отношению к общему количеству всех простых претеритарных форм данного вида) в старорусских текстах XV–XVII вв. разной жанрово-стилевой отнесенности: житиях, повестях, деловых текстах (см. табл. 1–6).

Если взять в целом весь обследованный текстовый массив XV–XVII вв., то можно отметить, что наиболее широко аномальные формы простых претеритов представлены в житийных текстах и повестях, в деловых же памятниках они встречаются только в XV в., да и то в единичных случаях – при общей малой употребительности форм простых претеритов.

Как можно видеть из приведенных в табл. 1 данных, в старорусских житийных текстах всех трех хронологических срезов достаточно широко представлены аномальные формы как аориста, так и имперфекта. При этом на каждом хронологическом срезе заметна большая активность аномальных форм имперфекта по сравнению с аномальными формами аориста, однако со статистической точки зрения это различие оказывается несущественным.

С хронологической точки зрения аномальные формы как аориста, так и имперфекта в житиях довольно равномерно представлены на протяжении XV и XVI вв. Однако житийные памятники XVII в. обнаруживают резкий скачок: доли аномальных форм аориста (0.111) и имперфекта (0.131) значительно возрастают: аориста – в 5 раз, имперфекта – в 3–4 раза. Вероятно, это может быть объяснено тем, что при-

Таблица 1

Активность аномальных форм аориста в житиях XV–XVII вв.

	XV век	XVI век	XVII век
m^1 / n	18/931	37/1885	95/853
$P \pm Lp$	0.019±0.009	0.020±0.006	0.111±0.021

¹m – количество аномальных форм; n – общее число данных форм в выборке;
P – частотная доля; Lp – абсолютная ошибка наблюдения.

Таблица 2

Активность аномальных форм имперфекта в житиях XV–XVII вв.

	XV век	XVI век	XVII век
m / n	13/292	15/383	17/130
$P \pm Lp$	0.045±0.024	0.039±0.020	0.131±0.059

Таблица 3

Активность аномальных форм аориста в повестях XV–XVII вв.

	XV век	XVI век	XVII век
m / n	9/746	28/545	25/780
$P \pm Lp$	0.012±0.008	0.051±0.019	0.032±0.012

влечение в поздние памятники синтетических форм прошедшего времени, опиравшееся лишь на письменную традицию и не поддержанное речевой практикой, способствовало их аномальному употреблению. Аористические и имперфектные образования, продолжая довольно активно функционировать в текстах рассматриваемых житий (их частотные доли – 0.797 и 0.121 соответственно), начинают разрушаться на уровне формы, утрачивая важнейшие сочетаемостные свойства.

В художественно-повествовательных текстах рассматриваемого периода, как показывают данные табл. 3, 4, нами также обнаружены аномальные формы аориста и имперфекта, причем последние, как и в памятниках агиографии, наиболее частотны по сравнению с аористными формами. Однако в исследуемых нами старорусских повестях XVI и XVII вв. это различие в активности употребления аномальных форм простых претеритов оказывается существенным с точки зрения вероятностно-статистического метода наблюдения – особенность, нехарактерная для рассматриваемых житийных текстов.

В отличие от анализируемых старорусских житийных памятников XV–XVI вв., в которых относительно равномерно распределяются аномальные формы простых претеритов, исследуемые повести обнаруживают их максимальное количество уже в XVI веке: формы аориста и (в большей степени) имперфекта этого временного отрезка по числу аномальных употреблений

существенно расходятся с соответствующими показателями по повестям XV века. Наибольшее количество аномалий (0.284) приходится на имперфектные формы, зарегистрированные в повестях XVI века. Думается, это связано с высокой для художественно-повествовательных текстов XVI века вообще частотностью данных форм в «Повести об осаде Пскова Стефаном Баторием». Не подкрепленные практикой живого употребления, формы имперфекта, привлекаясь в отдельные контексты памятника как формы-маркеры высокого стиля, утрачивают четкие системные свойства и избыточны неточностями в согласовании.

Активность аномальных форм имперфекта (в отличие от аористических образований) в рассматриваемых повестях XVII столетия существенно отличает эти памятники от художественно-повествовательных текстов предыдущих хронологических срезов: количество таких форм в XVII веке почти в 2 раза превосходит показатели XV столетия (доли для сравнения – 0.040 и 0.079) и в 3,5 раза уступает XVI веку (доли для сравнения – 0.079 и 0.284).

Начиная с XVI века показатели активности аномальных употреблений обеих простых претеритарных форм дифференцируют в жанрово-стилевом отношении исследуемых агиографических и художественно-повествовательных текстов. Так, по количеству аномальных аористических употреблений существенно различаются жития и повести: активность их аномальных форм в агиографических текстах XVI сто-

Таблица 4

Активность аномальных форм имперфекта в повестях XV–XVII вв.

	XV век	XVI век	XVII век
<i>m / n</i>	11/280	52/183	3/38
<i>P±Lp</i>	0.040±0.023	0.284±0.067	0.079

Таблица 5

Активность аномальных форм аориста в деловых памятниках XV–XVII вв.

	XV век	XVI век	XVII век
<i>m n</i>	7/50	–	0/2
<i>P±Lp</i>	0.140±0.098	–	–

Таблица 6

Активность аномальных форм имперфекта в деловых памятниках XV–XVII вв.

	XV век	XVI век	XVII век
<i>m / n</i>	1/2	0/0	0/0
<i>P±Lp</i>	0.500	–	–

летия (0.020) в 2,5 раза ниже соответствующих показателей художественно-повествовательных текстов той же временной отнесенности (0.051). Однако число зарегистрированных в текстах житий XVII века аномальных форм аориста существенно превышает активность подобных форм в синхронных повестях (0.111 и 0.032 соответственно).

Частотные показатели аномальных имперфектных форм также обнаруживают межстилевые различия, однако только применительно к XVI веку. На данном хронологическом этапе наибольшая активность аномалий отмечается в повестях (0.284 по сравнению с 0.039 – в житийных памятниках).

Межстилевые различия рассматриваемых текстов, обнаруженные на основе сравнения активности аномальных форм простых претеритов в текстах житий и повестей XVI–XVII вв., могут быть интерпретированы с учетом анализа количественного распределения всех форм аориста и имперфекта в памятниках. Те ключевые позиции (формы), которые дифференцировали частотное употребление простых претеритов в текстах агиографических, с одной стороны, и художественно-повествовательных, с другой – формы аориста в XVI и XVII веках и имперфектные формы в XVI веке – релевантны и для разграничения их функционирования в аспекте аномальных форм. Иными словами, различие в активности аномальных форм в текстах разных жанров существенно только там, где, со статистической точки зрения, существенно количественное различие в употреблении всех форм. Например, частотность форм имперфекта в повестях XVI века превышает соответствующие

показатели агиографических памятников (0.226 и 0.163 соответственно). При этом и активность аномальных имперфектных форм в повестях этого времени существенно выше отмеченных в житиях (0.284 и 0.039)

Итак, не только частотные характеристики употребительности форм могут явиться основанием для жанрово-стилевой дифференциации памятников на уровне морфологии глагола, но и характер их функционирования в текстах, утвердившийся как более закономерный и упорядоченный в памятниках тех жанров, где использование простых претеритов всецело зависит от действующего канона, письменной традиции.

Анализ функционирования аномальных простых претеритарных форм в исследуемых памятниках XV–XVII вв. позволяет говорить о тесной связи частоты употребления формы и ее структуры. Высокая частотность употребления форм, как правило, способствует утрате ими структурно-грамматических свойств, и, наоборот, редкое использование простых претеритов способствует их функционированию в пределах грамматической нормы. Результаты исследования позволяют говорить об отражении памятниками разных жанров процесса постепенного разрушения простых претеритарных форм на уровне плана выражения.

Примечания

1. Житийные памятники XV–XVII вв.:
ЖАВ – Житие Артемия Веркольского;
ЖАМ – Житие митрополита Алексея;

ЖАП – Житие и подвиги игумена Адриана Пошехонского и старца Леонида Пошехонского;

ЖАР – Сказание о житии преподобного и богосносного отца нашего Антония Римлянина;

ЖДП – Житие Дмитрия Прилуцкого;

ЖЗС – Житие Зосимы и Савватия Соловецких;

ЖИН – Житие Иоанна, архиепископа Новгородского;

ЖКМ – Сказание о житии и о пребывании и о чудесах святых чудотворцев муромских благоверного князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора.

2. Художественно-повествовательные памятники XV–XVII вв.

ПАТ – Повесть о Темир-Аксаке;

ПВК – Повесть о внезапной кончине государя Михаила Феодоровича;

ПВЦ – Повесть о взятии Царьграда;

ПДБ – Повесть о Дмитрии Басарге и сыне его Борзосмысле;

ПКГ – Повесть о купце Григории;

ПОК – Слово о купцы и сыне его и жене сыновне;

ПРЧ – Повесть о разуме человеческом;

ПСБ – Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием.

3. Деловые тексты XV–XVII вв.

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией;

АМГ – Акты Московского государства;

ДВГ – Грамоты Двинского уезда.

Список литературы

1. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 626 с.
2. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
3. Шахматов, А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
4. Колесов, В.В. Динамика форм прошедшего времени в древнерусских памятниках // История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976. Вып. 1. С. 74–93.
5. Хабургаев, Г.А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (к реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М.: Изд-во МГУ, 1991.
6. Лопушанская, С.П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975.
7. Головин, Б.Н. Язык и статистика. М., 1971.
8. Русинов, Н.Д. О роли вероятностно-статистического анализа языковых явлений при изучении языковой эволюции (в ее стилистическом многообразии) // Лексика. Терминология. Стили. Горький, 1973. Вып. I. С. 147–162.

ANOMALIES AS A VIOLATION OF GRAMMATICAL NORMS OF SIMPLE PRETERIT USAGE IN THE OLD RUSSIAN SPEECH OF THE 15TH – 17TH CENTURIES

I.V. Gerasimova

The paper presents an analysis of confusion of simple preterit forms and modifications of their structural and grammatical qualities. Preterit forms used incorrectly (according to some grammatical characteristic) are called “anomalies”. Investigating the texts belonging to different genres and styles, and establishing general and typical tendencies in preterit forms confusion for several Old Russian texts, the author makes her conclusion concerning the universal character of changing the preterit combinatorial properties. It follows from the analysis of the functioning of the simple preterit forms’ anomalies that the texts belonging to different genres and styles reflect the process of gradual destruction of preterits on the formal level and that there is a close connection between the form and the frequency of its usage.

Keywords: preterit system of the Old Russian language, anomalies, structural and grammatical qualities, combinatorial properties, original preterit system, grammatical category, modification of genres and styles, aorist, imperfect, probabilistic and statistical methods.